

В спекулятивных сплетениях богословия они приносили и неразмытые «остатки древней образованности» то в виде текстуальных заимствований у греческих авторов, то в виде заимствованных у греческих авторов идей, механически скрепленных с православным учением и легко отделимых.

Тесный союз церкви и государства в царской России не позволял ученым осуществить специальное исследование, которое бы выделило в патристической литературе текстуальные вкрапления и целые идеи, принадлежащие античным писателям. И все же этого вопроса нельзя было миновать. М. Н. Сперанский писал: «... христианство приняло в себя и понесло в себе на пространстве веков все лучшее и наиболее устойчивое из язычества, главным образом общечеловеческие идеи, насколько они были в язычестве, и совершенство формы в связи с разработанным культивированным языком древнего мира. Таким образом, античный мир оказал громадную услугу новому, да и сам уцелел, но в новом облике, с новым для него содержанием». ⁶ По-своему оценивали взаимоотношение античной философии с христианством церковные историки. Сопоставим с тем, что писал М. Н. Сперанский, почти одновременное высказывание А. Спасского в большом труде «История догматических движений в эпоху вселенских соборов»: «... самый факт влияния эллинской философии на церковную догматику получает совершенно новый смысл. Он был не превращением христианства в эллинизм, а наоборот: обращением эллинизма в христианство. Метафизические идеи философии, пересаживаемые в христианскую церковь, здесь переродились и получали другой высший и духовный смысл и, как в других областях жизни, так и здесь, в сфере философии, христианская религия извлекла все свежие соки, преобразовала их сообразно своему собственному духу и усвоила себе, как принадлежащую себе собственность». ⁷

Мы не будем вдаваться в оценку, предложенную А. Спасским. Существенен тот неоспоримый факт, что патристические учения питались греческой философской мыслью.

Но синтез эллинизма с христианством не удался. Он был невозможен по тем мотивам, которые высказал еще Гегель, отказавшись в своих «Лекциях по истории философии» предоставить место патристическим учениям в истории философской мысли. Гегель при этом исходил из того, что патристические учения не были дальнейшим развитием античной мысли, но что догматизирующая мысль «отцов церкви», связанная наперед христианской доктриной, являлась несвободной и поэтому лишенной творчески развивающегося содержания. ⁸ Таким образом, патристические сочинения представляли собой не философский синтез, а эклектическое смешение философских понятий античности с христианскими понятиями.

Но чем невозможнее был синтез эллинизма с христианством, тем доступнее делался анализ, разложение патристических учений на составные части, отделение одних элементов от других. Это очень важное обстоятельство. Его значение в том, что патристика могла поставлять материал не одной только церкви в ее борьбе против свободомыслящих, но, при известных условиях, и свободомыслящим в их борьбе против церкви.

Когда А. Спасский говорит, что из эллинизма «христианская религия извлекла все свежие соки, преобразовала их сообразно своему собственному духу и усвоила себе, как принадлежащую себе собственность», то надо иметь в виду, что это не было результатом какого-либо одновременного акта.

⁶ М. Н. Сперанский. Переводные сборники..., стр. 51.

⁷ А. Спасский. История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Сергиев Посад, 1906, стр. 650—651.

⁸ Гегель, Сочинения, т. IX. М., 1932, стр. 85—86.